

УДК 94(470)“1949/1954”
DOI: 10.17223/19988613/65/4

С.А. Красильников

ПРАВО НА ЗАСТУПНИЧЕСТВО: ИЗ ПЕРЕПИСКИ В.А. ОБРУЧЕВА ОБ АРЕСТОВАННЫХ ГЕОЛОГАХ СИБИРИ (1949–1954)

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00170а.

Рассматривается феномен защитной деятельности в сталинскую эпоху в форме индивидуального и коллективного заступничества видных деятелей науки и культуры за репрессированных путем обращений в государственные органы. Одним из них был академик В.А. Обручев, ходатайствовавший о пересмотре дел томских геологов, арестованных по так называемому Красноярскому делу 1949 г. Переписка академика позволяет реконструировать важные стороны феномена заступничества (мотивация, аргументы, язык, успешность и др.) как проявления корпоративной научной солидарности.

Ключевые слова: наука и ученые; послевоенный период; репрессии; «Красноярское дело» геологов; В.А. Обручев; научная солидарность.

Введение

Позднесталинский период в истории отечественной науки не поддается однозначным исследовательским оценкам. Научные разработки ученых оказались в годы войны чрезвычайно востребованными и эффективными, а мобилизационно-директивные технологии, стиравшие ведомственные границы между секторами науки, приносили в экстремальных военных условиях необходимые результаты. При этом идеологические императивы отходили на второй план, а охранительные практики, хотя и усилившиеся в годы войны, не перерастали в чрезмерные, когда речь шла о достижении учеными конкретных целей. В то же время послевоенные годы привнесли в сферу взаимоотношений власти и ученых новые черты, связанные с симбиозом мобилизационных кампаний с охранительными, в ходе которых крупные специалисты ряда научных направлений подвергались дискриминациям и репрессиям.

Крупные научно-образовательные корпорации (ученые исследовательских институтов, профессорско-преподавательский состав вузов) становились пространством «проработочных» кампаний, в ходе которых практиковались так называемые суды чести и другие технологии конфронтационной мобилизации, где в угоду директивной консолидации приносились принципы солидарности и поддержки тех, кто подвергался остракизму и арестам. Однако тем важнее и ценнее оказывалось редкое действие как исключение, подтверждавшее общее правило, именуемое ходатайством, заступничеством одних ученых за других. В данной публикации рассматривается феномен заступничества знаменитого ученого, академика В.А. Обручева за арестованных геологов Сибири. В ее основе – отложившаяся в личном фонде академика переписка с женами, а затем и самими томскими профессорами, репрессированными по так называемому Красноярскому делу геологов 1949 г., а также его письма «во власть» в их защиту. О самом «деле» есть значительное число публикаций, в том числе о геологах [1].

Право на заступничество

Заступничество – емкий и одновременно конкретный термин, означающий продуманное, сознательное социальное действие, в основе / мотивации которого лежит ценностный принцип. Это – оказание помощи, поддержки, проявление соучастия к человеку или группе лиц в экстремальной ситуации, связанной с ущемлениями, дискриминациями, лишением возможности заниматься профессиональной деятельностью, арестом, лишением свободы и др. Заступничество как действие выражалось в разнообразных формах и затрагивало самые различные сферы – от политики до культуры.

Феномен заступничества в научно-образовательной среде существовал и воспроизводился в дореволюционной России, а затем и в СССР в различных социально-политических условиях, поскольку он рождался из профессиональной этики как признака сформированности корпоративного сообщества с его принципами поддержки своих членов в случаях воздействия «извне». Внутри корпораций существовали свои процедуры и практики наказаний за нарушение профессиональной этики, что имело место у юристов, медиков, врачей, преподавателей вузов в позднимперский период. Постреволюционная эпоха радикально изменила механизмы проявления солидарности в корпоративных сообществах в силу как объективных причин (деформация связей вследствие повышенной, экстремальной мобильности, потеря и «разбавления» корпораций молодым советизированным поколением), так и субъективных факторов (резкое возрастание контроля над корпорациями «извне», со стороны партийных и охранительных структур).

В силу изменившихся условий корпоративная солидарность в научно-образовательных кругах практически утратила свою основу – самоорганизацию при отстаивании интересов своих членов (о защитительных функциях профсоюзных и других общественных организаций интеллигенции с конца 1920-х гг. говорить

не приходится). Соответственно, право на заступничество в очень урезанном виде оказалось сосредоточенным в руках сравнительно небольшой когорты видных ученых, с которыми партийно-государственная элита считалась в силу различных причин, в том числе вследствие их незаменимости в решении чисто прагматических народнохозяйственных задач, а также их признания в мировой науке.

В сохранении феномена заступничества в научно-образовательной среде в раннесоветском обществе причудливо совмещались внешне взаимоисключающие друг друга тенденции – демократическая, базирующаяся на праве на выражение своей позиции и защиту прав других, и традиционалистская, архаическая, где основанием служат иерархические права и обязанности, в рамках которых оставалась практика просьб, обращений, ходатайств «знатных» людей к руководству за «оступившихся». Причем вторая из названных тенденций при умелом понимании и использовании правил бюрократическо-властных связей и отношений приносила свои отдельные позитивные результаты. В известной мере такого рода «милость», которую власть время от времени демонстрировала в ответ на заступничество за осужденных, была необходимой для самих лидеров страны функцией, поддерживавшей традиции патернализма и иллюзий в существовании справедливости в советском обществе. Наличие же патриархов в науке, высокий статус которых власть подтверждала атрибутами славы, наградами и привилегиями, вполне допускало, разрешало в известных пределах и существование такого рода защитительной деятельности со стороны видных ученых за своих коллег.

Границы и возможности заступничества за дискриминированных научно-педагогических работников (отстраненных от профессиональной деятельности по так называемым социальным или политическим причинам в ходе всевозможных «чисток»), а также арестованных ученых и преподавателей имели различные градации – от осторожного и «мягкого» прошения к власти о пересмотре дискриминационно-репрессивных решений до акцентированного поручительства за того или иного человека, которое могло быть как индивидуальным, так и коллективным / групповым. Поручительство могло быть не только формализованным, но и высказанным в личной форме, в ходе встречи с высокопоставленным партийно-советским деятелем, который мог влиять на пересмотр приговора.

Среди факторов, которые либо усложняли, либо благоприятствовали заступничеству ученых за своих коллег, следует выделить общую социально-политическую ситуацию в стране, потребность в ученом / профессоре / доценте / научном сотруднике для решения практических задач, известность / заслуги арестованного, репутация поручителя (поручителей), их вес в глазах номенклатуры, помноженные на возможности неформальных выходов в «верха». Технология заступничества известных ученых за своих коллег отличалась гибкостью арсенала средств, которые при этом использовались: знание, к кому и в какой форме обращаться в случае ходатайства за репрессированного;

способность разумно взвешивать и оценивать шансы на то, может ли заступничество быть успешным; обладание необходимой информацией о следственных действиях, формуле приговора, о местонахождении и положении заключенного / ссыльного, которые получались чаще всего от родственников; выбор языка и аргументов, которые могли быть восприняты адресантами как весомые и т.д. Фактически ученые-заступники брали на себя не вполне свойственные им функции адвокатов, которые в «политических делах» сталинской эпохи полностью отстранялись от профессиональных функций защиты обвиняемых / осужденных.

Выдающийся отечественный геолог Владимир Афанасьевич Обручев также заслуживает помещения в один ряд со знаменитыми учеными – заступниками за своих коллег, хотя сведений об этом сравнительно немного. В его фонде, хранящемся в Архиве РАН, сохранились свидетельства помощи и поддержки, которую В.А. Обручев в 1949–1954 гг. оказывал семьям репрессированных геологов, а затем и самим ученым в их борьбе за пересмотр приговоров и освобождение из лагерей и ссылки. Среди разнообразной переписки здесь отложилось значительное количество писем сибирских геологов и их жен, в которых зафиксирована информация (помимо профессиональной, научной) об их арестах, пребывании в лагерях, ходатайствах самих геологов и их жен в различные инстанции о пересмотре приговоров и т.д. Наибольшую ценность представляет выделенная в отдельное дело [2] переписка, которую В.А. Обручев вел в защиту заключенных и ссыльных геологов с членами семей репрессированных и самими репрессированными в период с осени 1953 до весны 1955 г., когда появились реальные возможности для пересмотра приговоров и освобождения геологов из мест их лагерного заключения и ссылки. Документы данного дела (47 листов с оборотами) можно разделить на три группы: письма членов семей / жен репрессированных и их самих; ходатайства В.А. Обручева о пересмотре дел осужденных в адрес руководителей страны (Г.М. Маленкову, К.Е. Ворошилову), а также в Главную военную прокуратуру (ГВП) и краткие ответы / извещения, полученные В.А. Обручевым из ГВП. Основными действующими лицами этой переписки были находившиеся в заключении или ссылке томские геологи – профессора И.К. Баженов, А.В. Булытников, М.И. Кучин, В.А. Хахлов, а также известные ученые Н.И. Соколов, Н.Н. Урванцев, П.И. Касаткин.

Томские профессора как объект репрессий 1949 г.

Иван Кузьмич Баженов (1890–1982) – один из организаторов и ведущий профессор ряда кафедр Томского государственного университета, с 1945 по февраль 1949 г. возглавлял вначале геолого-почвенный, а затем геологический факультеты ТГУ. Будучи арестован 31 марта 1949 г. по так называемому Красноярскому делу постановлением ОСО МГБ СССР от 28 октября 1950 г. был приговорен к 25 годам ИТЛ. Свой срок до весны 1954 г. отбывал в Магаданской области [3. С. 39].

Александр Яковлевич Булытников (1892–1972) с 1938 г. до своего ареста в 1949 г. возглавлял кафедру петрографии ТГУ, на эту должность вернулся 2 июня 1954 г. Арестован 20 апреля 1949 г., приговорен к 15 годам ИТЛ. Свой срок до весны 1954 г. отбывал в Красноярском крае («Енисейстрой»), где работал в геологическом отделе ОТБ-1. «Находясь в заключении... Булытников выполнил целый ряд крупных петрографо-минералогических работ, открыл месторождение золота “Находка” и др.» [3. С. 69].

Михаил Иванович Кучин (1887–1963) – один из крупнейших специалистов в области гидрогеологии и инженерной геологии. Преподавал в Томском индустриальном институте (ТТИ) и университете, где с 1939 г. возглавлял кафедру грунтоведения и гидрогеологии. С 1944 по 1948 г. по совместительству работал в Западно-Сибирском филиале АН СССР. Наряду с другими томскими профессорами подвергся аресту 20 апреля 1949 г. Заключение отбывал в Красноярском крае («Енисейстрой») в ОТБ-1, где работал по специальности в области инженерной геологии [Там же. С. 254–259].

Венедикт Андреевич Хахлов (1894–1972) – с середины 1930-х гг. заведующий кафедрой палеонтологии, затем декан геолого-почвенного факультета ТГУ. С 1944 по 1948 г. работал по совместительству в Западно-Сибирском филиале АН СССР. Один из крупнейших палеонтологов Сибири. Был арестован 20 апреля 1949 г., отбывал срок заключения в Норильском лагере, где работал в Геологическом управлении в группе по подсчету запасов угольных месторождений [Там же. С. 451–458].

Феликс Николаевич Шахов (1894–1971) преподавал в Томском индустриальном институте и на геолого-географическом факультете ТГУ, с 1944 по 1948 г. был сотрудником Западно-Сибирского филиала АН СССР. Один из крупнейших специалистов в области геохимии и поиска месторождений редких и цветных металлов Сибири. После ареста 25 апреля 1949 г. был осужден и отправлен в Магаданскую область («Дальстрой»), где работал в геологическом управлении по разработке и исследованию месторождений золота и урана [Там же. С. 484–487].

Чем вызваны были репрессии в отношении каждого из них в отдельности и вместе взятых, определить сложно, даже если бы у исследователей был доступ к следственным материалам (а он закрыт до сих пор). Историкам остается лишь обращаться к анализу факторов, которые следователи, получив установку «сверху», могли положить в основу произведенных арестов. С позиций чекистской логики создать «группу» из томских геологов не представляло значительного труда, учитывая факты их социально-профессиональной деятельности. С позиций же научного, просопографического подхода (коллективные биографии) жизненные пути и судьбы томской геологической профессуры имеют свое событийное «ядро». По своему возрасту (от 55 до 62 лет) они могут быть отнесены к одному поколению, их социализация и профессионализация пришлись на период после первой русской революции. Их учеба, начавшаяся Петербургском горном (Баженов, Булытников, Шахов) и Томском технологическом (Кучин,

Хахлов) институтах была прервана экстремальной эпохой войн и революций. Оказавшись в этот момент в Сибири, они не избежали мобилизаций в антибольшевистские военные формирования и службы, в том числе на офицерских должностях. После разгрома данных формирований и кратковременного периода пребывания в фильтрационных лагерях им удалось продолжить и завершить обучение в ТТИ в 1921–1922 гг.

В последующем их жизнь была связана с научной, преподавательской деятельностью в томских вузах (университет и технологический, затем индустриальный институт), а также в сфере практической геологии в качестве сотрудников и консультантов геологических организаций. Будучи известными геологами, пользовавшимися признанием и поддержкой лидеров отечественной геологии В.А. Обручева и М.А. Усова, накануне Отечественной войны они защитили докторские диссертации, заведовали кафедрами как в ТГУ, так и в ТИИ (Шахов). С созданием в конце войны Западно-Сибирского филиала АН СССР профессора-геологи по совместительству работали в составе томской группы как территориального подразделения филиала с 1944 по 1948 г. Между собой их связывали длительные дружеские отношения.

Практически все они преподавали в университете на геолого-почвенно-географическом (с 1939 г. – геолого-почвенном) факультете, где В.А. Хахлов был деканом с некоторыми перерывами с 1933 по 1945 г., а И.К. Баженов сменил его, проработав в этой должности с 1945 по 1948 г. [Там же. С. 500].

Их деятельность к моменту ареста была отмечена правительственными (ордена и медали) и ведомственными наградами и премиями. Арест резко изменил все. Так, И.К. Баженов в 1948 г. совместно с профессором-химиком А.П. Бунтиным выполнил работу о принципах извлечения глинозема из нефелиновых пород, удостоенную премии Томского университета. В том же году данная работа Ученым советом ТГУ «выдвигалась на Сталинскую премию, но в связи с арестом Баженова не была направлена в Комитет по премиям» [Там же. С. 40]. Защищенная в 1948 г. другим известным геологом, Б.Ф. Сперанским, также преподававшим в ТГУ до переезда в Новосибирск, докторская диссертация, находившаяся на момент его ареста в ВАКе, «застряла» там. Годом ранее в связи с 25-летием научно-производственной деятельности и заслугами в открытии ряда месторождений он был удостоен ордена Ленина [Там же. С. 398]. Арест прервал многолетнюю деятельность М.И. Кучина по написанию учебника по гидрогеологии, уже включенную им в свой план работ в ТГУ на 1949/1950 гг. [2. Л. 6]. Издание трудов конференции по изучению и освоению производительных сил Сибири, которым руководил В.А. Хахлов, также было прервано. По некоторым сведениям, очередной том трудов конференции был уничтожен по приказу «сверху» как содержащий статьи «врагов народа» – профессоров В.А. Хахлова, И.К. Баженова, А.Я. Булыникова, М.И. Кучина и Ф.Н. Шахова [4. С. 17].

Очевидно, что при наличии директивы «сверху» на аресты геологов чекистам достаточно просто было

отыскать «порочающие сведения», поскольку профессора могли ассоциироваться с нарицательной категорией «колчаковцы» вне зависимости от того, где и сколько служили в этих войсках, фигурируя в учетных списках как «бывшие белые офицеры». Они явно ассоциировались со «старой», а не «красной профессурой», не состояли в рядах партии, в своей активной научной, образовательной и производственной деятельности они могли сталкиваться с неоднозначным и недоброжелательным отношением к себе и т.д.

Следствие, пребывание в лагерях, ходатайства жен

Арест, перемещение из Томска в Москву, затем длительное тюремное содержание с допросами, завершившееся вынесением приговора постановлением ОСО МГБ СССР от 28 октября 1950 г. на длительные сроки от 10 до 25 лет лагерей, очень емко охарактеризовал в своем письме 24 января 1954 г. жене и дочери А.Я. Булытников: «... На днях исполнилось три года, как я с товарищами по несчастью прибыл в Красноярск. Это – не маленький срок, особенно если приплюсовать 1 г. и 7 мес. предварительного заключения и 2 м-ца этапа в столыпинском вагоне... Когда нас арестовали и увозили из Томска, то каждый из нас рассчитывал и ожидал, что недоразумение с арестом в Москве разрешится, и мы возвратимся к прежней деятельности. Надежда была разбита следствием. Не только я, но и... другие оклеветали себя, и все это привело к печальному результату. Я неоднократно спрашивал, когда мне будет предоставлен защитник. “Я – ваш следователь и ваш защитник” – был ответ» [2. Л. 16–16 об.].

О психологическом сломе заключенных профессоров, которым пользовались следователи, добывая нужные для них «показания», А.Я. Булытников написал позднее в своих воспоминаниях о пребывании в заключении в Москве с 23 апреля 1949 до 5 апреля 1950 г. (в Лубянской, затем Сухановской тюрьмах): «Еще в первый день следствия (23 апреля) на Лубянке [следователь] Ливанов мне подчеркнул следующее, что я запомнил на всю жизнь: “Принимая во внимание Ваш преклонный возраст мы для дачи Ваших показаний не применим “дыбы”, но у нас найдутся средства, чтобы заставить говорить “правду”. Эта фраза во многом предопределила мое поведение на следствии. Я был подавлен, вспоминая инквизицию и пытки при царском режиме. Уже события предыдущих дней нравственно надломили меня. В дальнейшем я отчаивался, падал духом, надеялся на что-то лучшее и снова отчаивался... ко мне он не рукоприкладствовал, но академик Русакова М.П., взятого в связи с этим делом – он сильно ударил и сшиб с ног. Только в самые ответственные для меня дни (май) для получения “признания”, многократно разрывая и сличая мои показания, Ливанов топал ногами и, приближаясь ко мне, материл с последних слов, не уступая извозчику» [5. Л. 3–4].

Из писем жены В.А. Хахлова Тамары Алексеевны, которая после ареста мужа решила на переписку с академиком В.А. Обручевым, выясняются некоторые черты и детали той атмосферы, которая сложилась

в семьях арестованных профессоров. В своем письме от 18 мая 1949 г. она, вероятно, первая сообщила академику о томских арестах: «Хочется Вам сообщить мне свое бесконечное горе, зная, с каким теплым чувством всегда отзывался о Вас мой муж. 20 апреля В.А. арестовали и в ночь отослали в Москву еще с тремя профессорами с геологического факультета. Ничего не знаю... Жизнь потеряла всякий смысл. В университете работают все его ученики, геологический факультет остался без профессоров. Никак не могу прийти в себя после обыска и ареста, после всей славы, которой он достиг. Жду и надеюсь, что что-нибудь выяснится в Москве. Простите, дорогой Владимир Афанасьевич, что расстрою Вас своим письмом, но ужасно захотелось сообщить именно Вам, зная, как тепло и сердечно вспоминал Вас В.А.» [2. Л. 1–2].

Переписку, хотя и редкую, с В.А. Обручевым вели жены не только В.А. Хахлова, но и И.К. Баженова, А.Я. Булыникова, а также Н.Н. Урванцева. Необходимо отметить, что Обручев отвечал на эти письма, о чем свидетельствуют его пометы об отправке писем женам репрессированных геологов, а иногда и сами письма, сохранившиеся в архиве ученого при их перепечатке в машинописи. Письма от жен репрессированных содержат крайне важные сведения, позволяющие передать мотивы, настроения и надежды заключенных на благоприятный исход (освобождение). Особенно интенсивно их обращения «наверх» возросли с лета 1953 г. на фоне событий в высших эшелонах власти (арест и расстрел Л.П. Берия). Из переписки Т.А. Хахловой с В.А. Обручевым становится ясным, как работала в этот период государственная машина, перемалывавшая десятки тысяч прошений жен заключенных (не говоря уже о жалобах самих репрессированных), отправляя им казенные, стереотипные как по форме, так и по содержанию «затяжные» («жалоба проверяется / рассматривается») или «отказные» ответы.

15 октября 1953 г. Т.А. Хахлова достаточно кратко, но емко описывает московский круговорот своих ходатайств за мужа: «Выдержка из отношений [Главной] военной прокуратуры от 10 сентября 1953 г. ... гласит: “Вина его подтверждается собственными его показаниями”, обвиняемый же Венедикт Андреевич почти в каждом письме пишет: “Необходимо получить, наконец, обвинительное заключение, чтобы хоть знать, за что я сижу...” 10 сентября Военная прокуратура пишет мне, что для опротестования решения по делу Хахлова оснований не имеется, разбивая таким образом все мои надежды на пересмотр, а 24-го сентября того же 53 года из военной же прокуратуры мне пишут, что моя жалоба, адресованная Председателю Совета Министров СССР прокуратурой проверяется, и окончательные результаты будут мне сообщены, а сегодня я получила уже третье отношение из канцелярии Президиума Верховного Совета СССР от 23 сентября 1953 г., по которому мое заявление направлено в Прокуратуру». Сама Т.А. Хахлова, очевидно, уже вымотанная этой перепиской, делала все же утешительный для себя вывод о том, что «по-видимому, дела еще не кончились, зачем же так быстро убивать людей отказом пересмотра» [Там же. Л. 7].

Активное заступничество В.А. Обручева: аргументы и результаты

Осенью 1953 г. становится очевидным, что одних жалоб самих заключенных и их жен «во власть» было недостаточно, поэтому вызревала мысль о необходимости заступничества за них со стороны В.А. Обручева. Эту идею в конкретной форме выразила Т.А. Хахлова в своем письме к академику от 15 октября 1953 г., начинавшемся с поздравлениями ему в связи с 90-летием и завершавшемся словами: «Я вновь обращаюсь к Вам как к отцу всех геологов. Помогите мне, может быть, Ваше веское слово разрешит выяснить в Правительстве, в связи с теперешним вредительством, открывшимся в Кремле, тот чудовищный донос, в связи с которым так нелепо были арестованы все профессора Геологического факультета и был оголен Университет» [2. Л. 7].

Переход В.А. Обручева к активному заступничеству за арестованных на рубеже 1953–1954 гг. явился сложением действия ряда факторов: арест Берия и его окружения означал возможность начала пересмотра вынесенных в сталинскую эпоху приговоров по «политическим делам»; в распоряжении академика оказалась оперативно присланная ему информация от ряда жен заключенных и самих репрессированных о заслугах ученых не только за предшествовавшие аресту годы, но и о крупных работах, выполненных ими в заключении (в конкретном случае о В.А. Хахлове, М.И. Кучине, А.Я. Булытникове и И.К. Баженове); наконец, мощным ресурсом для обращения с заступничеством «наверх» оказался прошедший в октябре 1953 г. юбилей академика, когда в его адрес были направлены поздравления от первых лиц государства.

Все это, вместе взятое, позволило В.А. Обручеву в начале 1954 г. перейти к прямому обращению «во власть». 18 января он отправляет председателю Совета министров СССР Г.М. Маленкову письмо с ходатайством о пересмотре дел ряда арестованных геологов, среди которых В.А. Хахлов и М.И. Кучин [Там же. Л. 14–14 об.], а месяцем позднее, 18 февраля, обращается к председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову с аналогичным ходатайством, где упоминаются среди других геологов Н.Н. Урванцев, И.К. Баженов и А.Я. Булытников [Там же. Л. 22–23]. Помимо этого, он подкрепляет свои ходатайства обращением к Генеральному прокурору СССР с просьбой об ускорении рассмотрения дел в отношении названных геологов (точной датировки нет) [Там же. Л. 30–31].

В деле сохранился комплекс документов, предшествовавших отмеченным выше обращениям В.А. Обручева к высшим должностным лицам страны (черновые материалы, рукописи самих обращений, машинописные отпуски отправленных писем), служащие ценными свидетельствами о том, как и в каком направлении осуществлялась работа по поиску наиболее весомой и в то же время емкой аргументации (краткость изложения в письме «наверх» имела нормативный характер – максимум машинописная страница с оборотом). Каждое из трех обращений академика имело четко выве-

ренную структуру, включавшую в себя преамбулу (мотив обращения), основную часть (аргументы в пользу необходимости пересмотра репрессий в отношении геологов) и завершающие письмо фразы (обоснование полезности их освобождения и возвращения к профессиональной деятельности). К своим письмам В.А. Обручев прилагал и ряд документов, исходя из их значимости для адресатов (письма жен, списки основных трудов геологов).

Свое обращение к Г.М. Маленкову от 18 февраля 1954 г. он начинает фразой «В течение минувшего года ко мне как старейшему советскому геологу, десятки лет изучавшему геологию Сибири, обращаются с письмами родственники сибирских геологов, арестованных пять лет тому назад, с просьбами о содействии в смягчении участи этих геологов. Учитывая последние события, я позволяю себе обратиться к Вам с просьбой о пересмотре дел геологов В.А. Хахлова, Н.И. Соколова и М.И. Кучина, лично мне известных по их трудам, касающимся геологии Сибири» [Там же. Л. 14]. Непосредственная причина для обращения – их дела находятся на пересмотре в Военной прокуратуре уже длительный срок (несколько месяцев). Далее в основной (аргументационной) части письма Обручев не просто перелагает информацию о геологах, полученную от родственников и их самих, а придает этой информации усиливающие ее акценты (В.А. Хахлов – «исследователь четвертичных отложений Западной Сибири, в знание которых он внес много своего труда... сделал много в своей отрасли геологических знаний»; «М.И. Кучин является видным специалистом по гидрогеологии и инженерной геологии... организовал кафедры в трех вузах Сибири и подготовил большое число специалистов»). Завершалось письмо к Маленкову просьбой дать арестованным возможность работать в «нормальной вузовской обстановке», для чего «дать распоряжение о пересмотре дела этих трех сибирских геологов» [Там же. Л. 14–14 об.].

При анализе текста обращает внимание взвешенный тон письма, автор которого не становится в позицию униженного просителя. В письме четко прослеживается право на поручительство за заключенных геологов своим научным авторитетом, подкрепляемое тем, что они лично ему известны своей деятельностью и трудами в сфере геологии Сибири.

Несколько иной формат В.А. Обручев использует при обращении к К.Е. Ворошилову, которое, судя по черновикам, пишется в первой половине февраля 1954 г., когда он готовит ходатайства за две группы геологов (помимо тех геологов, о которых он писал Маленкову, он в отдельном письме говорит об Урванцеве, Баженове и Булытникове). Здесь использована новая преамбула обращения: «На днях опубликованное правительственное сообщение о предательстве Л. Берия позволяет мне обратиться к Вам с ходатайством о пересмотре дела двух ученых геологов (в черновике он упоминает о Соколове и Хахлове. – С.К.), по-видимому, также являющихся жертвами ложных доносов сотрудников и помощников Берия, этого человека, пятнающего коммунистическое правительство нашей родины своими действиями... Я прошу Вас,

Климент Ефремович, назначить пересмотр всего этого дела с томскими профессорами, виновность которых весьма сомнительна» [2. Л. 18–18 об.].

Черновик второго письма Ворошилову, где упоминаются геологи Н.Н. Урванцев и И.К. Баженов, более лаконичен: «Глубокоуважаемый Климент Ефремович! Пользуясь Вашим любезным посещением я представляю ходатайства известных мне геологов, исследователей Сибири, с просьбой о пересмотре Вами их дел... Оба эти заслуженные геологи нуждаются в скорейшем освобождении из ссылки (здесь некоторая неточность – Урванцев находился в ссылке, а Баженов в лагере. – С.К.), что я всемерно поддерживаю, зная их хорошо» [Там же. Л. 19].

Окончательный машинописный текст письма Ворошилову, отпечатанный с рукописного подлинника В.А. Обручева и датированный 18 февраля 1954 г., был следующим:

«Председателю Верховного Совета СССР

К.Е. Ворошилову.

Москва, Кремль.

Глубокоуважаемый Климент Ефремович!

Пользуясь Вашим любезным посещением меня для вручения высокой правительственной награды за многолетнюю службу, я представляю ходатайство о трех известных мне геологах Сибири, с просьбой о пересмотре их дел и смягчении их участи.

1. УРВАНЦЕВ Николай Николаевич, мой ученик по Томскому технологическому институту, находящийся в ссылке в Норильске, просит о полном пересмотре его дела, начатого в 1939 г., как видно из прилагаемого в копии его заявления от 20 января 1954 г. на имя генерального прокурора СССР. Он отличился в 1931–1932 гг. прекрасным выполнением геологического изучения архипелага Северной Земли в Арктике в экспедиции Г.Е. Ушакова с двумя сотрудниками. Эта работа требовала много мужества, выдержки и энергии от всех сотрудников и привела к полному изучению этого безлюдного и сурового гористого архипелага Ледовитого океана. Его отчет напечатан им в виде целой книги в 1939 г. и вторично в 1953 г. Г.Е. Ушаковым, но в этот раз даже без упоминания имени Н.Н. Урванцева, по причине нахождения его еще в ссылке. Этот геолог и до, и после этой экспедиции выполнил еще много других геологических работ на Северной окраине Сибири.

2. БАЖЕНОВ Иван Кузьмич – бывший профессор Томского университета, исследователь хребтов Западного Саяна и Кузнецкого Алатау, декан факультета, консультант Томского геологического управления, депутат Томского горсовета первого созыва, заведовавший кафедрой минералогии и полезных ископаемых, геохимик, автор 85 печатных работ. Находится в ссылке в г. Магадане, где продолжает работать по специальности, хотя ему 64 года и здоровье его сильно ослабело. Приложено письмо его жены с биографическими сведениями.

3. БУЛЫННИКОВ Александр Яковлевич, бывший профессор Томского университета, заведовавший кафедрой петрографии, отличался как хороший воспитатель и методист, неоднократно был премирован за

высокое качество преподавательской и научно-исследовательской работы. С 1920 г. изучал геологию и полезные ископаемые Западной Сибири. В 1943 г. его работа «Золотоносные формации Западной Сибири» была представлена на соискание степени доктора геолого-минералогических наук и получила от меня хороший отзыв. Под его руководством было открыто 10 золотоносных жил, давших не менее 100 пудов золота. Ему же принадлежат открытия висмута, теллура и турмалиновых жил. Он был арестован 20 апреля 1949 г. и в ноябре 1950 г. осужден особым совещанием и направлен в трудовой лагерь Енисейстроя для работы по специальности. В настоящее время военная прокуратура пересматривает его дело. Приложено письмо его жены П.С. Краснопеевой от 5 февраля 1954 г. с этими сведениями.

Все три указанных в этом заявлении геолога известны мне лично по своим научным трудам и вполне заслуживают полной амнистии и возвращения к свободному труду на пользу Родины» [Там же. Л. 22–23].

Как видим, текст обращения В.А. Обручева к Ворошилову в процессе доработки претерпел определенную трансформацию. Здесь в преамбуле был использован факт личного посещения Ворошиловым академика из-за болезни для вручения последнему ордена Ленина, что в процедуре награждений в СССР являлось скорее исключением, нежели практикой. Это придавало ходатайствам В.А. Обручева «во власть» в феврале 1954 г. дополнительный вес, чем он и воспользовался.

Предположительно, в конце марта 1954 г. (в архивном деле есть рукописный подлинник и машинопись письма с подписью-автографом академика, но без точной датировки) В.А. Обручев направил также и обращение к Генеральному прокурору СССР, в котором видны иная тональность и содержание, нежели в обращении Обручева к Маленкову и Ворошилову. Здесь присутствуют элементы даже требовательности к руководству ведомства о необходимости выполнять свои функции «без затяжки», помимо этого, в своем письме академик, пожалуй, осознанно обращает внимание главы ведомства на эмоциональные аспекты и критическое состояние здоровья ожидавших положительного решения репрессированных, находившихся около пяти лет в условиях тюремного заключения и северных лагерей. Отправляя письмо Генпрокурору, В.А. Обручев понимал, что его ходатайства в отношении репрессированных геологов из канцелярий Маленкова и Ворошилова уже должны были быть переправлены в прокуратуру: «В последнее время я опять получаю письма от родственников геологов, обвиненных в противоправительственной деятельности и находящихся в ссылке (Баженов, Булынников, Русаков, Хахлов и др.). Они пишут, что справляющимся в Прокуратуре говорят, что благоприятный для них исход дела о них предreshен, но окончательное решение из месяца в месяц откладывается. Эта оттяжка освобождения тяжело отражается на здоровье людей, выдержавших уже тяжелые условия ареста, заключения и ссылки и ожидающих освобождения. В большинстве это уже пожилые и старые люди с расстроенным здоровьем, и

оттяжка может окончиться у некоторых тяжелой болезнью или смертью, тогда как освобождение позволит всем возобновить свою научную деятельность на пользу Родины.

Поэтому согласно просьбы этих несчастных я от их имени прошу Прокуратуру ускорить завершение их дел и освободить из ссылки или заключения» [2. Л. 30–31].

Известно, что Военная коллегия Верховного Суда СССР своими решениями от 31 марта и 10 апреля 1954 г. отменила приговор Особого совещания МГБ 1950 г. в отношении осужденных по так называемому Красноярскому делу геологов, и 13 апреля извещение об этом было направлено В.А. Обручеву как подававшему соответствующее ходатайство 18 февраля в Верховный Совет СССР [2. Л. 33].

Днем ранее, 12 апреля, Главная военная прокуратура отправила в Томск женам И.К. Баженова и А.Я. Булытникова сообщения аналогичного содержания с пояснением о том, что освобождение заключенных произойдет при получении данного решения в ИТЛ, где они содержатся. Сами решения шли до мест заключения с различной скоростью, поэтому и справки об освобождении томских профессоров датировались с разбросом по времени от 17 апреля (М.И. Кучин) и 22 апреля (И.К. Баженов и Ф.Н. Шахов) до 29 апреля (В.А. Хахлов).

Возвратившиеся из мест заключения профессора теперь уже имели возможность в переписке с В.А. Обручевым непосредственно сообщить о своих переживаниях, оценить происшедшее с ними и перспективы продолжения профессиональной научно-образовательной деятельности. В их письмах соединились эмоции, связанные с обретением свободы, возможностью вернуться к семьям и привычному образу жизни. Восстановление отнятых с арестом статусов требовало и оценочного осмысления новой реальности, отличной от доарестной, психофизической и интеллектуальной реабилитации.

Письма геологов В.А. Обручеву при общей их благодарственной тональности несколько различались в информации о том, что авторы считали важным сообщить академику о себе. Эмоционально, с акцентом на пережитое с моральных позиций (несправедливость как самой репрессии, так и затянувшегося на годы судебного признания ее «ошибочности») писал об этом В.А. Обручеву в своем письме от 5 июня 1954 г. А.Я. Булытников, восстановленный на работе в ТГУ со 2 июня 1954 г. в должности заведующего кафедрой петрографии: «Примите от меня и моей семьи сердечную благодарность за то живое участие, которое Вы проявили к делу геологов, способствуя его положительному разрешению. Правда восторжествовала. Справедливый Советский суд восстановил истину. Тяжелое пятно позора, которое легло на тружеников-геологов, смыто. Не только личная свобода, но и освобождение от морального гнета, созданного следствием

1949 года, радуют меня и мою семью. Теперь я и моя семья будем спокойно и уверенно продолжать свою работу в избранной специальности» [7. Л. 21].

Вернувшийся из норильского заключения В.А. Хахлов, восстановленный на работе в ТГУ с 10 мая 1954 г. в должности заведующего кафедрой палеонтологии, в своем письме В.А. Обручеву от 24 мая в более позитивном оценочном ракурсе писал о своем возвращении и сделанной им работе за годы заключения: «Наконец я снова вернулся в Томский университет. Восстановлен во всех правах. Сажу в том же кабинете и на том же стуле. Занят собиранием литературы... Мои года – последние пять лет – не прошли для науки бесследно. Я и в неволе жил наукой и для науки. Написал три тома большой монографии: “Стратиграфия Норильского угольного бассейна”... Сейчас думаю эту работу продолжать, а далее ее публиковать, надеюсь под Вашим благословением» [8. Л. 1–2 об.].

Сам В.А. Обручев в письме к Н.Н. Урванцеву от 10 февраля 1954 г., за освобождение которого из норильской ссылки после отбытого там срока заключения также усиленно хлопотал, очень емко охарактеризовал советский государственный феномен создания «фигур умолчания» и «вымарывания» тем самым из научного (и не только) наследия вклада репрессированных по различным основаниям ученых (в частности, Урванцева), как недопустимый: «Замалчивание полное научной деятельности, выполненной на советской службе каким-либо ученым или даже политическим деятелем из-за позднейших его ошибок, а тем более без таковых, за критику чьей-либо работы, исключение его имени из всякой литературы научной, общественной и даже политической я считаю принципиально неправильным. Оно должно упоминаться как и вся его работа, особенно научная, ради пользы всех граждан, хотя бы с указанием его ошибок (или даже преступлений), ради полноты оценки его деятельности. Ведь Троцкого, Колчака, Деникина, Милюкова и тому подобных деятелей не замалчивают, а оценивают правильно со всех сторон их деятельности. Замалчивание приносит вред со всякой точки зрения» [2. Л. 24–25].

Выводы

На основе доступных источников реконструирован феномен позитивных поведенческих реакций и действий внутри геологической корпорации в отношении репрессированных геологов. Ядро позитивного активизма формировали групповые и личностные внутринаучные связи, основанные на длительных профессиональных контактах и высокой репутационной компоненте, которой обладал научный лидер корпорации. Позиция В.А. Обручева и его активное заступничество сыграли, несомненно, важную роль в ускорении пересмотра приговора МГБ и освобождении осужденных геологов в 1954 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Репрессированные геологи : биографические материалы, 2-е изд. М. ; СПб., 1995. 210 с.
2. Архив РАН (АРАН). Ф. 642. Оп.3. Д. 265.

3. Профессора Томского университета : биографический словарь / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун, А.В. Литвинов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2. 544 с.
4. Вопросы геологии Сибири : сборник статей, посвященный 100-летию со дня рождения В.А. Хахлова / под ред. В.М. Подобиной, С.А. Родыгина. Томск : Изд-во Том ун-та, 1994. Вып. 2. 348 с.
5. Музей истории ТГУ. № 1808/8
6. АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 1082.
7. АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 296.
8. АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 1081.

Sergey A. Krasilnikov, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: krass49@gmail.com

THE RIGHT FOR INTERCESSION: V.A. OBRUCHEV'S CORRESPONDENCE CONCERNING ARRESTED SIBERIAN GEOLOGISTS (1949–1954)

Keywords: science and scholars, post-war period, purges, “Krasnoyarsk case of geologists”, academician V.A. Obruchev, scholarly solidarity.

The post-war period in USSR is notable for competing trends in the scientific and educational communities. The first trend kept up mobilization policy of the war years, which consisted in strengthening the scientific and educational potential to solve the country's top problems, made it possible to succeed in the national economy revival and to ensure a breakthrough in the creation of front-rank defense industry. The second, protective trend, was fraught with a significant expansion of the forced labor system (camp-manufacturing complexes), which required an equally grand-scale intellectual and professional support. At long last, repressive sanctions expanded towards a part of scholars whose life and professional work, despite being put to good use incarcerated in special / special technical bureaus (“sharashka”), were deformed because of unfreedom.

The goal of the study is to reconstruct on archival source basis the events related to the internal response of a corporate circle of geologists to the arrest of almost forty lead specialists within the so-called “Krasnoyarsk case of geologists” framed up by the MGB in 1949. Arrests and long five-year jail placement affected the core of Tomsk University geological professors (I.K. Bazhenov, A.Ya. Bulynnikov, M.I. Kuchin, V.A. Khakhlov, F.N. Shakhov), whose close relatives, students, as well as leaders of scientific community fought for exoneration and discharge of the prisoners.

Intercession for those who were purged during Stalin era presents special behavioral phenomenon – a display of self-sacrifice, based not only on traditions and norms of scholarly ethics established in the late imperial period, but also contained individual and group risks accepted by outstanding scientists. One of them was the patriarch of Russian geological science academician V. A. Obruchev, whose self-sacrificing activity resulted both in supporting purged families and in sending requests “upstairs” to review cases of imprisoned Siberian scientists.

Through the use of V.A. Obruchev's personal fund in the Archive of the Russian Academy of Sciences, which reposit his correspondence with wives of prisoners and exiles and afterward his appeals to the highest authorities of the State, it is possible to reconstruct certain important aspects of the phenomenon of intercession (motivation, arguments, vocabulary, rate of success, etc.) as a display of scholarly solidarity in opposition to self-advancement and conformism of other part of scientists. Corporative scholar support contributed to the welcoming environment for scientists released in 1954 and resumed their professional activity.

REFERENCES

1. Orlov, V.P (ed.) (1995) *Repressirovannye geologi. Biograficheskie materialy* [Repressed geologists. Biographical materials]. 2nd edition. Moscow; St.Petersburg: VSEGEI
2. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 642. List 3. File 265.
3. Fominykh, S.F., Nekrylov, S.A., Bertsun, L.L. & Litvinov, A.V. (1998) *Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University. Biographical Dictionary]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
4. Podobina, V.M. & Rodygin S.A. (eds.) (1994) *Voprosy geologii Sibiri* [Problems of Siberian Geology]. Issue 2. Tomsk: Tomsk State University.
5. Museum of History of Tomsk State University. № 1808/8.
6. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 642. List 4. File 1082.
7. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 642. List 4. File 296.
8. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 642. List 4. File 1081.